И.К. Загидуллин

Особенности организации религиозно-обрядовой жизни рабочих татар-мусульман в Европейской части России и Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.)

Хозяйственно-промышленное освоение окраин и индустриализация обусловили появление в стране новых промышленных районов и центров. Наряду с техническим перевооружением старых предприятий на Урале (две трети уральских заводов были сосредоточены в Пермской и Уфимской губерниях. В последней к Уральскому району относились Златоустовский уезд и восточные части Уфимского и Бирского уездов) [*Положение рабочих Урала…*, 1960, с. 3], в 80-е гг. XIX в. стали бурно развиватся новые промышленные районы: Донецкий угольный бассейн, Криворожские рудники и Бакинские нефтепромыслы [Тихонов, 1988, с. 46, 47]. К началу XX в. в Южном районе свыше трех четвертей заводов составляли оснащенные передовой техникой предприятия, возникшие в 90-е гг. XIX в.

Спутником каждого промышленного предприятия становилось рабочее поселение. Приметой Центрального, Южного горнопромышленных и Уральского горнозаводского районов явилась сеть «экономических» городов и городков, не входивших в официальную иерархию городских поселений. Они выделялись мобильностью жителей и преобладанием среди них мужчин. Основная масса прибывших на заработки крестьян трудилась по временным паспортам, сохраняя прописку в родном селении. Поскольку трудоустройство и обустройство на новом месте зависели от ряда социально-экономических факторов, для многих оставление семьи в хозяйстве считалось оптимальным вариантом [Водарский, 1972, с. 201]. В пореформенный период многие крупные и средние предприятия стали превращаться в самодостаточные промышленные учреждения, стремящиеся формировать собственный постоянный контингент профессиональных кадров, видя в этом залог организации круглогодичного производства и повышения производительности труда.

В пореформенный период татарский капитал в основном оставался торговым. В 1890 г. в Казанской, Сармарской, Симбирской, Саратовской, Вятской, Оренбургской, Уфимской, Пермской, Рязанской и

Тамбовской губерниях татарские капиталисты владели 76 предприятиями с контингентом рабочих численостью 4653 человек и годовой производительностью 2 млн. 455 тыс. руб. Большинство промышленных заведений были мелкими: на 41 предприятии трудилось до 10 человек на каждом, на 24 – от 10 до 100, и только на 11 – от 100 до 1000 и более рабочих [Хасанов, 1977, с. 106–107].

В начале XX в. на территории формирования татарской нации (Волго-Уралье и Западная Сибирь) насчитывалось более 30 тыс. рабочих-татар (с членами семей 68626 душ обоего пола), в том числе на Урале – более 4 тыс. рабочих, в Симбирской губернии – одна пятая часть всех занятых на промышленном производстве. На Кокшанском и Бондюжском химических заводах Елабужского уезда Вятской губернии, Алафузовском заводе в Казани – 30–60% рабочих татар. Большие группы татарских крестьян уходили на временные и постоянные заработки в шахты интенсивно развивающегося Донбасского угольного бассейна (90 тыс. рабочих) (в 1901 г. татары в этом регионе составляли 1% всех рабочих) [*Каменноугольная промышленность…,* 1902, с. LX], на нефтепромыслы Баку (3 260 человек), на фабрики в Орехово-Зуево (5 тыс. рабочих) [Хасанов, 1977, с. 232; Нафигов, 1964, с. 20–21]. В конце XIX в. татары «освоились» на сибирских золотых приисках, составляя в начале XX в. до 13% пролетариата, а также среди железнодорожников Сибири (1%) [Тагиров, Валеев, 1995, с. 389].

В 1914 г. официальная статистика зафиксировала 154 торговых дома татар, из которых 18 занимались главным образом промышленным производством: обработкой кож, мыловарением, книгопечатанием, изготовлением строительных материалов, хлебобулочных изделий и др. Число предприятий мусульман увеличилось до 141. Из них 91 предприятие (64%) действовали в Поволжье и Приуралье, 19 – в Средней Азии, 18 – в степных областях, 8 – в центральных губерниях и 6 – на Кавказе. Занятые на производстве 12 тыс. рабочих (по 110 предприятиям из 141), согласно подсчетам Х.Х. Хасанова, производили различных товаров на сумму 10 млн. 42 тыс. руб. [Хасанов, 1977, с. 218–220; *Татария в прошлом и настоящем…*, 1975, с. 219].

Таким образом, в предприятях мусульман трудилось весьма ограниченное число их единоверцев. Основная масса татарского пролетариата добывала средства к существованию на промышленных предприятиях вдали от исторической родины. Перед началом Первой мировой войны татары представляли значительную группу национального пролетариата, занимая по численности четвертое место после русских, украинцев и латышей [*Очерки истории…*, 1973, с. 17].

Производственные условия и житейский быт рабочих сильно контрастировали с образом жизни традиционной сельской махалли. Ритм жизни в поселке был подчинен производственному графику. Впервые «вероисповедальный аспект» дней отдыха рабочих был рассмотрен в за-

коне от 2 июня 1897 г. «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» [*ПСЗ*, т. XVIII, № 14231; Крузе, 1976, с. 246], согласно которому продолжительность трудового дня была сокращена до 11,5 часов, а в субботу и накануне двунадесятых праздников – до 10 часов (что, однако, не везде и не всегда соблюдалось). Было установлено празднование воскресных дней и двунадесятых праздников – всего 66 в году, а в 1900 г. прибавилось еще 3 дня. Исключение допускалось лишь в отношении занятых на непрерывных производствах и в ряде других случаев.

Согласно закону от 2 июня 1897 г. трудящимся «инославных» вероисповеданий разрешалось вносить в расписание праздников дни своих религиозных праздников. Для нехристиан внесение знаменательных дат православной церкви в список почитаемых ими праздников признавалось необязательным, им разрешалось включать в расписание праздников и другие дни в соответствии со своей религиозной традицией. По взаимной договоренности между владельцем промышленного заведения и рабочими, трудящиеся могли выйти на работу в воскресенье взамен отдыха в дни своих религиозных праздников. О достигнутом соглашении должны были «быть уведомляемы» должностные лица, которым поручалось осуществление «надзора над его исполнением».

Действие введенного с 1898 г. закона распространялось на предприятия, деятельность которых регулировалась «Уставом горным», но им не были охвачены все объекты отечественной промышленности.

Отходничество «вырывало» человека из устойчивых традиций, быта и образа жизни. Вчерашний сельский житель, у которого привычки к религиозным обрядам были воспитаны с детства, на промышленном предприятии вовлекался в новые, многообразные социальные отношения, приобретал новый жизненный опыт и знания, корректируя ценностные ориентации. В жизни человека, находящегося вдали от родины, семья и соседская община теряли свою контролирующую роль. Махалли призваны были способствовать адаптации их на новом месте трудоустройства, сохранению в поликультурной среде своей этноконфессиональной идентичности.

Как известно, в горнодобывающей отрасли широко применялась артельная форма организации труда. Мусульмане стремились формировать автономные трудовые коллективы: нанимали для себя кухарку, вели общие расходы, расселяясь совместно в бараке. Договор о найме превалировал над действующими законоположениями, и теоретически, при желании владельца предприятия, мусульмане могли отдыхать не только в дни годовых религиозных праздников, но и в пятницу. При наличии в фабрично-заводском поселении мечети или духовного лица, независимо от того, содержало их предприятие или нет, правомерно утверждать о существовании общественного договора с мусульманами о днях отдыха в годовые религиозные праздники [Загидуллин, 2006(2), с. 245–246].

Важно отметить, что законы, регулирующие духовные дела мусульман, были ориентированы на сельскую местность, где расселялась основная часть уммы. Согласно действующему законодательству, непременным условием регистрации махали было наличие мечети, что давало возможность обзавестись духовным лицом. Правила постройки мечети сводились к следующим положениям: 1) наличие в поселении не менее 200 наличных душ мужского пола; 2) заявление общины, посредством составления общественного приговора, о желании построить храм, что было равнозначно подтверждению необходимости мечети; 3) обязательство прихожан содержать за свой счет мечеть и причт; 4) возможность возведения исламского культового здания только в случае отсутствия соблазна для жувущих вместе с мусульманами новокрещеных и русских; 5) получение светским начальством по поводу ходатайства «заключения» местной епархиальной власти православного ведомства; 6) выявление местной администрацией насущной необходимости в мечети и достаточности средств у прихожан для ее «приличного содержания» [*Устав строительный*…, т. XII, ч. 1, ст. 261–265].

В округе Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) в выборах духовного лица участвовали лица, считавшиеся старейшинами в семействе. Поэтому от участия в выборах автоматически устранялись «неотделившиеся сыновья, меньшие братья, племянники» и т.п. [*Уставы духовных дел*…, т. XI, ч. 1, ст. 1431]. Однако в условиях городского и поселкового быта понятие домохозяина являлось анахронизмом. Здесь в выборах участвовали не главы семейств постоянных жителей, а в большинстве случаев прибывшие на заработки холостяки или «отходники», семьи которых остались на родине.

Поселковые или городские условия не учитывались законодательством и при оформлении общественного приговора, согласно которому на собрании непременно должен был участвовать сельский староста. Вне сельской местности на учредительное собрание махалли собирались представители крестьянского сословия, не имеющие в поселении органа самоуправления, или представители различных сословий (крестьяне, мещане, купцы, разночинцы, чиновники). На данное собрание, которое как публичное мероприятие могло состояться лишь с разрешения властей, приглашался местный полицейский. Однако в силу мобильности населения недостающиеся подписи собирались путем обхода квартир единоверцев одним из активных прихожан или уполномоченным лицом, который объяснял суть вопроса и собирал их подписи или «тамги». Такой обход уполномоченным мог производиться и без предварительного собрания, лишь на основании составления инициатором или группой лиц текста общественного приговора о выборе муллы или обзаведении молитвенным домом.

В традиционной религиозной общине норматив численности махалли учитывал всех без исключения жителей мужского пола, начиная

от младенцев и кончая стариками. На предприятиях, как правило, трудилось взрослое трудоспособное население. По сравнению с сельской местностью, в рабочих поселках для регистрации махалли нужно было иметь взрослого населения как минимум в 3-4 раза больше, чем в сельской махалле, что означало регистрацию прихода из рабочих нескольких соседних предприятий.

Под приходом подразумевалась религиозная община, состоящая из постоянных жителей данного поселения. В большинстве же случаев в рабочих поселках мусульманские общины представляли трудящиеся, прибывшие на заработки по временным билетам, хотя и могли проживать на предприятии по несколько лет. Это обстоятельство становилось одной из преград в учреждении традиционных религиозных институтов.

Например, в 1904 г. имеющие свои дома и занимающиеся торговлей 12 мусульман в Саткинском чугунно-литейного заводе (Златоустовский уезд Уфимской губернии) решили возвести пятивременную мечеть (дом без минарета) вместо действовавшего молитвенного дома. В общественном приговоре указывалось о расселении и занятости в Саткинском заводе 124 мусульман, на Бакальском руднике — 59, в Саткинском лесничестве — 9, на станции Бердяуш — 18 мусульман, всего 210 душ мужского пола. По сведениям же полиции, на территории предприятия постоянно проживало всего 76 мусульман мужского пола (остальные — временно работающие), что и послужило в 1906 г. поводом для отказа администрации [*РГИА*, ф. 821, оп. 8, д. 695, л. 108–108об.].

В своей жалобе министру внутренних дел уполномоченный рабочих Биктагир Фаткуллин сетовал на то, что норматив 200 душ мужского пола, во-первых, относится только к местностям, населенным мусульманами «без примеси других национальностей», во-вторых, «означает преграду деревенскую» и не учитывает специфику промышленных предприятий и поселков, потому что на рудниках и в куренях временно работают тысячи мусульман [*РГИА*, ф. 821, оп. 8, д. 695, л. 103–103об.]. Думается, для набора установленной законом численности прихожан активистам общины пришлось сильно постараться, что и обеспечило им успех при повторном ходатайстве. В 1907 г. здесь проживало 147 мужчин-одиночек и 63 души мужского пола семейных.

В начале XX в. мулла А.А. Масагутов являлся имамом г. Бодайбо (Иркутская губерния) и всего приискового района Витимского и Ленского горных округов [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6. д. 4144, л. 3].

Новым явлением следует признать изменение роли религиозных институтов рабочей махалли. Здесь ключевой фигурой в национально-культурной автономии рабочих-мусульман являлось духовное лицо, в чьи обязаности входило исполнять духовные «требы», обучать их детей основам ислама и татарской грамоте, вести акты гражданского состояния. Обзаведение богослужебным зданием при регистрации прихода становилось вторичным. Трансформация поселковой махалли была обу-

словлена особенностями правового положения членов рабочего прихода, их жилищно-бытовых и производственных условий.

Вследствие экономической слабости мусульманской общины, состоящей из переселенцев из разных регионов, не имеющих своей недвижимости и в значительной степени находящихся в городе временно, новая община первым делом заявляла не о возведении мечети, а об избрании духовного лица, которому впоследствии и поручались вопросы аренды молитвенного помещения или строительства мечети, обустройства школы и другие проблемы по налаживанию религиозного быта прихожан.

Отсутствие или малочисленность постоянных жителей становились главными препятствиями в устройстве исламских религиозных институтов в рабочих поселениях. В таких случаях стало практиковаться избрание *временных духовных лиц*. Их появление определялось общественным приговором трудового люда. В частности, 27 августа 1910 г. мусульмане г. Вологды в числе 28 человек, достигших 25-летнего возраста, заявили в своем общественном приговоре об избрании городским имамом уроженца Нижегородской губерии Якуба Халикова сроком на три года [*РГИА*, ф. 821, оп. 133, д. 517, л. 25]. В 1913 г. проживающие на Пышминско-Ключевском медном руднике Акционерного общества Верхне-Исетских горных и механических заводов (бывших Яковлева) избрали «временным имамом» Хакимуллу Тукаева, возложив на него постройку по утвержденному плану молитвенного дома.

В ряде случаев рабочие некоторых промышленных предприятий использовали административный ресурс Оренбургского магометанского духовного собрания. Пользуясь своим правом командировки на определенный срок духовных лиц в другие местности, предварительно разрешив все формальности (получив согласие имама и прихожан, уведомив рапортом о своем решении «для сведения» местное губернское правление, а также администрацию той губернии, куда временно выезжало духовное лицо), религиозное управление направляло в промышленный центр муллу с правом совершать «все праздничные и пятивременные богомоления в молитвенном доме и вообще с правом самостоятельного имама-хатыпа и ведения метрических книг». Это было равнозначно появлению полноценного прихода в малочисленной рабочей общине. Дело в том, что направленное в промышленное поселение духовное лицо на новом месте временного проживания не утверждалось местным губернским правлением, которое оказывалось не у дел и не могло придраться к действиям ОМДС. Командировка считалась внутренним делом религиозного управления, потому что официально основным местом службы муллы считался приход, куда он был утвержден местной администрацией.

Данная практика успешно применялась рабочими частных и казенных предприятий. Например, в середине 1890-х гг. по просьбе ра-

бочих государственного Саткинского чугунно-литейного завода Духовное собрание направило сюда сельского имама, который остался жить на предприятии [*РГИА*, ф. 821, оп. 8, д. 695, л. 108–108об.]. Появление указного муллы давало возможность обзавестись молельней независимо от численности общины. Исполняющий духовные «требы» мусульман в Бондюжском химическом заводе П.К. Ушкова (учрежден в 1868 г.), имам ближайшей д. Камаевой Елабужского уезда Вятской губернии стал получать с 1898 г. метрические книги, что свидетельствовало о существовании здесь полноценной махалли [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 7, д. 454, л. 1, 12–13]. После его смерти 9 декабря 1904 г. возникла проблема приглашения нового муллы. В это время на заводе насчитывалось около 1 тыс. человек, проживающих здесь более 10 лет. Именно они составли приговор-обращение в Духовное собрание о назначении к ним лица, «достойного звания муллы». Религиозное управление рекомендовало имама 3-й мечети д. Агрыз Сарапульского уезда Ахметшакира Сюндюкова, который был временно командирован сюда в 1905 г. [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6, д. 807, л. 2–14]. В мае 1907 г. он был окончательно утвержден на должности указного муллы завода [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6, д. 807, л. 18].

Следующий вариант появления временных мулл связан с комплектованием рабочей артели. Известно, что в конце XIX – начале XX в. предприниматели Донбасского угольного бассейна отправляли в Казанскую губернию специальных агентов-вербовщиков, набиравших целые артели крестьян. Артелью руководил «задобренный» артельщик. Нередко вместе с партией рабочих-татар на Юг отправлялся и «мулла», который мог быть одним из духовных лиц прихода, или лицо, имевшее свидетельство Духовного собрания, но не занимающее духовную должность, или хорошо знающий религиозные обряды человек. Для выезжающей на определенное время группы такой путь оставался чуть ли не единственным способом иметь своего пастыря. Укомплектованный таким образом рабочий «приход» являлся автономной хозяйственной и социокультурной единицей, заботящейся об этнокультурной идентичности своих членов, сохранении модели традиционного образа жизни, и становился ключевым звеном в адаптации для впервые оказавшихся в инокультурной среде татарских крестьян, не знающих русского языка. Когда артель возвращалась на родину, «мулла» также следовал за товарищами.

В условиях автономности предприятия, неформальное устройство религиозно-культурной жизни занятых на производстве не привлекало полицию, обычно содержащуюся за счет предприятия. Внешним проявлением существования неформальной общины становилось появление общественного муллы, т.е. лица, избранного рабочими для исполнения духовных «треб».

Как было сказано, основной причиной отсутствия указного муллы являлась малочисленность общины. Примечательно, что до составле-

ния в январе 1904 г. рабочими г. Иваново-Вознесенска приговора об избрании муллой Башкирова, они уже 10 лет безвозмездно пользовались выделенным органом городского самоуправления молитвенным помещением и имели общественного муллу [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6, д. 610, л. 1, 6].

Недостаточное техническое оснащение предприятий в целом и отдельных производственных процессов в частности, выполнение многих работ вручную, высокая степень травматизма, антисанитарные жилищные условия обусловили высокую смертность в поселениях. Независимо от наличия махали, практически при каждом предприятии возникали мусульманские кладбища. Погребальный обряд в случае отсутствия по близости указного муллы совершал один из рабочих артели, знающий порядок исполнения ритуала. На приисках, и большинстве предпритиях с малочисленным контингентом мусульманских рабочих имелся избранный общиной общественный мулла. За гибель рабочих на производстве или на территории предприятия несло ответственность местное руководство. Обеспечение кладбищами поликонфессиональных общин было обязанностью начальства, а погребение погибших на производстве являлось моральной ответственностью местной администрации. Существование общественных мулл позволяло передать эти неприятные и деликатные хлопоты в руки общественного муллы, что было на руку властям. В лице общественного муллы администрация приобретала и рычаг воздействия на рабочих. Он руководил общественной молитвой, в том числе пятничной, нарекал имя новорожденным, но не имел метрических книг для записи гражданских актов. Общественный мулла также избирался временно, «до лучших времен».

Ограничимся двумя примерами. В 1916 г. на горно-промышленных рудниках в 4-м Заседательском участке Таганрогского округа области Войска Донского имелись мусульманские кладбища в Товариществе «Пороховское», Ремовских копях Южно-русского горнопромышленного общества, АО «Воскресенские копи», Товариществе «Давыдовское», АО «Эрастовские каменноугольные копи», Чистяковских копях Южно-русского горнопромышленного общества, Ильинских копях Торгового дома «П. Брокарь и А. Катюк», Адреевском руднике, Торговом доме «Эстерович и Коновалов». В первых пяти рудничных предприятиях кладбищами «заведовал» мулла Товарищества «Пороховское», в остальных четырех – имам Чистяковских копий. Еще неизвестно, были ли эти лица указными муллами [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6, д. 3913, л. 11об.].

В том же 1916 г. ОМДС, обеспокоенное информацией о погребении умершего рабочего-мусульманина на православном кладбище при руднике Кальберга, запросил у пристава Боровского горного района Таганрогского округа сведения по данному факту. Оказалось, что на расположенном рядом с православным кладбищем участке земли обряд

погребения над телом умершего Василия Хамидуллина совершил общественный имам Фазлеев, избранный рабочими рудника Акопинского общества «Русский Антрацит». Он не имел ни свидетельства Духовного собрания, ни указа областного правления [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6, д. 3913, л. 13–13об.].

Неслучайно в ряде местностей общественный мулла получал жалованье как духовное лицо и социальный работник. Скажем, когда в 1909 г. 205 мусульман копей Торгового дома «Братья И. и Г. Бердинские» (при железнодорожной станции Усеево в Пермской губернии) [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 2, д. 8, л. 615об.] ходатайствовали о постройке молитвенного дома и избрании указного имама[1], последний в качестве общественного муллы получал от администрации за свои труды ежемесячно по 7 руб. Рабочие начали отчислять на его содержание по 1 коп. с каждого заработанного рубля [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6, д. 2029, л. 2–2об.].

Дальность расстояния для поездки общественного муллы в резиденцию ОМДС в г. Уфу для сдачи экзамена в знании основ ислама и связанные с этим командировочные расходы, слабость подготовки его на этом поприще (главное – умение совершать религиозные «требы»), проблема обеспечения его квартирой в суровых жилищных условиях также становились препятствием для легализации махалли.

Во время регистации махалли общественный имам являлся потенциальным кандидатом на должность указного муллы.

Порой власти стали использовать изъяны действующего законодательства для решения насущных задач рабочих-мусульман. Они направляли переписку об утверждении духовного лица, а не о возведении мечети в ОМДС, которое, закрывая глаза на малочисленность общины, всегда высказывалось за необходимость имама в поселении, что становилось порой основой для положительного решения вопроса на местном уровне. Например, в 1906 г. Духовным собранием были одобрены материалы об избрании 105 рабочими рудника Франко-Прусского общества при станции Ханженковское Екатерининской железной дороги (Таганрогский округ) муллой Хамидуллы Маняфева. В следующем году имам уже проводил богослужение в отведенном конторой завода помещении [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6, д. 1227, л. 1–9].

Таким образом, возведение мечети, обзаведение молитвенным помещением или открытие школы становились, как правало, следующим этапом становления рабочей махалли. Переселенцы в Сибирь также сначала путем избрания муллы регистрировали свой приход, а уже затем обзаводились мечетью. Например, татары, расселенные в поселках Тукаевское (98 душ мужского пола), Ново-Уфимское (75 душ мужского пола) и Камаевское (46 душ мужского пола) Мариинского уезда Томской губернии, в 1914 г. избрали имама, а мечеть воз-

1 | На духовную должность был избран крестьянин д. Мамашировой Кошкинской волости Малмыжского уезда Вятской губернии Мухаметгалим Аюпов.

вели лишь в 1917 г. [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6., д. 3426, л. 8–15]. Одними из первых в Мариинском горном округе мечеть построили в 1913 г. татары в поселке Нуркат (рудник Берикуль) [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6., д. 3427, л. 6–17].

В дореформенный период в Казанском пороховом и Ижевском оружейном заводах военного ведомства на казенные средства строились мечети и содержались мусульманские духовные лица [Загидуллин, 2006(2) с. 96–99]. Во второй половине XIX – начале XX в. эта практика прекратилась: в казенных предприятиях и военного, и гражданского ведомств нехристианские вероисповедания не могли рассчитывать на жалованье духовному лицу и на бесплатное выделение места под мечеть, не говоря уже о ее строительстве бесплатно [*РГИА*, ф. 821, оп. 133, д. 631, л. 1–9].

В городах мечеть строилась на земле, выделенной безвоздмездно органом местного самоуправления или частным лицом. В случае запрета продажи земли на территории казенного предприятия, где расселялся поселок, возведение мечети становилось невозможным. В таком случае под исламское молитвенное помещение приспосабливался жилой дом или арендовалось какое-либо другое помещение.

Следует отметить, что поселки и заводы не значились в «Уставах духовных дел иностранных исповеданий» как поселения, в которых могли быть возводимы мечети. Они не подпадали под категорию ни селения, ни города. Вопрос тесно переплетался с имущественными правами жителей на недвижимость и правом учреждения местных органов самоуправления. В 1906 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий указал, что вопрос о владении землей в промышленном заведении не состоит в непосредственной связи с устройством духовных нужд мусульман. Даже в случае отказа собственника выделить под мечеть землю губернскому правлению было рекомендовано разрешить мусульманам устроить молитвенный дом в любом пригодном для этого частном помещении [*РГИА*, ф. 821, оп. 8, д. 700, л. 116–118об.].

В реальности, вследствие принадлежности практически всех построек предприятию, этноконфессиональная община, при всем своем желании, была лишена возможности аренды частного жилья под молитвенные собрания и для расселения имама. В Донецком промышленном регионе почти все земли принадлежали Войску Донскому: здесь предприниматели сами арендовали земельные участки для промышленного освоения. Поэтому вопросы обустройства религиозного быта полностью зависели от руководства предприятия. Не случайно большинство рабочих молелен локализовались комнатой в бараке или другим помещением, выделяемым предприятием, как правило, безвозмездно. В некоторых случаях наряду со строительством за свой счет церкви, хозяева строили и исламское молитвенное здание, мечеть [*ЦГИА*, ф. И-295, оп. 2, д. 1. л. 135–136]. Как правило, содержание отданного безвозмездно для

пользования под молитвенные собрания помещения или новой мечети возлагалось на мусульман.

Выделение помещения для совершения общественных молитв или возведение мечети с большой благодарностью воспринималось трудящимися и формировало лояльное отношение к руководству предприятия.

В промышленных заведениях рабочие махалли существовали в экстремальных условиях инокультурной и инорелигиозной среды. Если татарам удавалось открыть свое дело, то представители именно этой группы лиц с коммерческой жилкой первыми обзаводились собственными домами и начинали представлять «верхушку» рабочей махалли, беря на себя инициативу и нередко расходы по устройству исламских институтов.

Нередко инициаторами учреждения прихода становились лица, имеющие свидетельство Духовного собрания или желающие получить духовную должность. Скажем, общественным лидером уммы в Павловском руднике Екатеринославской губернии выступил уроженец д. Мочалкиной Мочалкинской волости Чембарского уезда Пензенской губернии Насретдин Акзегитов (свидетельство от 2 августа 1911 г.)[2], возбудивший в 1912 г. ходатайство о разрешении официально открыть действовавший здесь молитвенный дом с правом получения метрической книги. До этого времени рабочие рудника находились в религиозно-административном ведении муллы Юрьевского молитвенного дома Славяносербского уезда Шайхутдина Хансеварова [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6, д. 2613, л. 1–7, 19–20].

В силу экономической слабости большинства городских мусульманских общин на рубеже XIX–XX вв. одним из путей возведения богослужебного здания явилось проведение публичных сборов пожертвований во всероссийском, губернском или городском масштабах. Благодаря таким публичным мероприятиям удалось собрать средства на постройку мечети в городах: Ярославль (1907–1915) [*РГИА*, ф. 821, оп. 133, д. 590, л. 1–5], Ново-Николаевск (1912–1916) Томской губернии, Самара (мечеть третьего прихода) (1907–1910) [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6, д. 1193, л. 23–24об.; *РГИА*, ф. 821, оп. 8, д. 683, л. 113], Иваново-Вознесенск (1909–1914) [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6, д. 610, л. 33], Ростов-на-Дону (1908–1915) [*РГИА*, ф. 821, оп. 133, д. 555, л. 61–63].

Попытки проведения публичных благотворительных мероприятий рабочими общинами г. Вологды (1910) [*РГИА*, ф. 821, оп. 133, д. 517, л. 1–4], г. Златоуста (1907) Уфимской губернии [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 3, д. 16521, л. 25, 46] не были разрешены вследствии их малочисленности. Ко времени падения самодержавия не завершилось возведение мечети на собираемые с 1914 г. средства рабочими г. Благовещенска Амурской области [*РГИА*, ф. 821, оп. 133, д. 582, л. 7–13].

2 | Приговор об избрании муллы был засвидетельствован полицейским надзирателем Павловского и Юмашевского рудников 14 июля 1914 г.

В рабочей общине в условиях жесткого производственного графика значение богослужебного помещения как центра религиозной жизни отходило на задний план – некому было совершать пятивременные молитвы. Для трудящихся, детские и юношеские годы которых прошли в традиционной общине, принципиально важным становилось обеспечение этноконфессиональной преемственности, религиозное и национальное воспитание своих детей, вырастающих в стесненных бытовых условиях инокультурной среды. Поэтому неудивительно, что порой открывалось сначала учебное заведение с общественным учителем. Видимо, после проявленного интереса полиции относительно права последнего преподавать, он заявялся в качестве указного муллы, а действующая школа объявлялась молитвенным домом. Например, в Усть-Косьинском прииске наследников графа П.П. Шувалова, расположенного в Кресто-Воздвиженской волости Пермского уезда и губернии, по просьбе мусульман была устроена управлением школа. С учетом отсутствия в радиусе 100 км селений с мечетями, в 1907 г., идя навстречу желанию рабочих, руководство приисков обратилось в ОМДС об открытии при молитвенном доме-школе махалли и о назначении духовного лица с выдачей метрической книги для записи 200 семейств мусульман в приисках. Имамом был избран учитель данной школы, уроженец Старо-Юмьинской волости Мамадышского уезда Казанской губернии Мухамедкасым Асраров [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6, д. 1477, л. 1–1об., 15].

Еще в предреформеный период в Приуралье многие рабочие жили своими хозяйствами. Заводские власти не препятствовали желанию мусульман расселяться вместе, формируя «татарские улицы». В результате в конце XIX в. в крупных уральских заводах сформировались «ярко выраженные национальные группы» татар. Они выделялись не только численностью, компактным расселением, но и автономным укладом быта. В Нижнем Тагиле умма начала формироваться из уроженцев Симбирской губернии, устраивавшихся на завод и рудники в качестве чернорабочих. Некоторые татары поступили на службу к купцам и с течением времени превратились в мелких торговцев. Так возникло поселение, получившее в народном лексиконе название «Татарская деревня», объединяющее несколько улиц. Татары стойко сохраняли национальные особенности, не допускали смешанных браков с русскими [Крупянская, 1953, с. 69]. Согласно сведениям ОМДС, на Нижне-Тагильском заводе мусульманский молитвенный дом появился в 1907 г.

Одной из особенностей существования приходского имама в городах является, прежде всего, выделение помещения для жилья с отпуском отопления и освещения и жалованья [*РГИА*, ф. 821, оп. 133, д. 611, л. 6–7], в рабочих поселках, промышленных центрах же выплачивалось четко зафиксированное в общественном приговоре жалованье. (Вопрос с жильем решался с администацией предприятия.) Кажется, поэтому и

вследствие бедности рабочих семей прихожане делали духовным лицам несущественные подношения за совершение духовных «треб».

В целом выделяются несколько моделей содержания мусульманского духовного лица.

Первую модель условно назовем традиционной. По предварительной договоренности с кандидатом на духовную должность определялась причитающаяся ему сумма содержания. Скажем, имаму г. Вологды было в 1907 г. установлено ежемесячное жалованье в размере 25 руб. «из пожертвований, сделанных на эту цель, и из денег, собранных по раскладке со всех магометан, живущах в г. Володге» [*РГИА*, ф. 821, оп. 133, д. 517. л. 25]. Как видно, содержание имама превращалось в обязательство. Очевидно, что подсчет взносов осуществлял имам лично или это поручалось кому-либо из прихожан. Например, имам Фатхуллин махалли рудника Товарищества «Е.Т. Паркманов и сыновья» близ поселения Грушевского (земли Войска Донского), в 1914 г. ежемесячно удерживал с рабочих от 25 копеек до 1 рубля, собирая в год до 300 руб. [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6, д. 3260, л. 7–7об.].

Татарские рабочие Егоршинских каменноугольных копей (Больше-Трифоновская волость Ирбитского уезда Пермской губерии) в числе 255 наличных душ (с детьми) в апреле 1917 г. ходатайствовали об открытии молитвенного дома на безвозмездно уступленном администрацией помещении и пригласили муллой имама махалли Алпаевска Верхотурского уезда Шагиаздина Миннекаева, обязавшись содержать за свой свет молитвенное помещение и выплачивать ему ежемесячно жалованье по 25 руб. [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6, д. 4191, л. 10]. В эту схему финансового обеспечения были вовлечены как постоянно, так и временно проживающие, независимо от их прописки.

Приметой **второй модели** является обязательный ежемесячный взнос со всех без исключения работающих мусульман по уравнительному принципу (определенный процент с получаемой заработной платы). Она возникла путем проецирования на махаллю (по согласованию с ее членами) действующей схемы содержания православного причта, церковно-приходской школы русскими рабочими. Эта традиция претерпела некоторые изменения после отмены крепостного права: с прекращением обязательных отношений, возложенных «Уставом горным», владелец старался переложить непроизводственные издержки на плечи трудящихся. В таких случаях на содержание школ и церкви с рабочих собирался специальный взнос в размере 1% с каждого заработанного рубля [*Положение рабочих Урала…*, 1960, с. 5]. Как свидетельствуют архивные документы, аналогичная уравнительно-принудительная модель финансирования русскими рабочими своего причта стала широко применяться у мусульман.

Финансовая прозрачность, системность и своевременность выплаты содержания имаму осуществлялись за счет привлечения бухгал-

терии предприятия, по сути освободившей общину от содержания специального казначея. Тем самым контролирующие институты сельского общества за выплатой *гушера* были заменены финансово-учетным органом предприятия. В день получения заработной платы на предприятии имам также приходил в кассу, где ему выдавалось жалованье, состоящее из определенного процента денег, заработанных мусульманами, занятыми на производстве. В частности, для жалованья ахуну Сендюкову на Бондюжском заводе Товарищества химических заводов П.К.Ушкова и К° (Елабужский уезд Вятской губернии) заводская контора удерживала проценты из ежемесячного заработка рабочих [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6, д. 2024, л. 21]. Утвержденный в 1912 г. «имам-хатып и мугаллим»[3] при молитвенном доме и мектебе в Чермозском заводе (Соликамский уезд Пермской губернии) содержался путем сбора по 2 коп. с каждого заработанного прихожанами рубля [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6, д. 2814, л. 6–6об., 9–9об.].

Третью модель содержания духовного лица условно назовем комбинированной. На частных предприятиях, на которых работало значительное число мусульман, эта практика содержания православного причта распространялась на муллу: помимо взноса от прихожан, администрация выделяла жалованье имаму, которое являлось частью источника его существования. Другая часть складывалась из сумм, поступающих от рабочих. В 1902 г. администрация в Луньевских каменноугольных копях Александровского завода Н.П. Демидова на Урале – единственном поставщике местного кокса – перестроила молельный дом под мечеть и определила имаму ежемесячное содержание в размере 10 руб. [*РГИА*, ф. 821, оп. 8, д. 675, л. 171–173].

Другой пример. Занятые на рудниках Рутченсковского Горнопромышленного общества (Бахмутский уезд Екатеринославской губернии) 250 мусульман в своем приговоре от 11 сентября 1911 г. об открытии при шахте № 31 «временного молитвенного дома в деревянном бараке, отведенном управлением рудников», написали, что содержание молитвенного помещения и избранного имамом уроженца д. Старые Тинчали Буинского уезда Симбирской губернии Мухаметсадыка Камадетдинова обеспечивают ежемесячным сбором по 15 коп. с каждого прихожанина. Помимо этого руководство рудников обязалось выплачивать мулле по 15 руб. в месяц [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6, д. 2639, л. 3]. На этом основании в промышленном центре в 1912 г. была зарегистрирована махалля.

В случае, если жилищный фонд принадлежал руководству предприятия, этот вопрос решался совместно с администрацией, которая могла выделить имаму безвозмездно даже квартиру [*ЦГИА РБ*, ф. И-295, оп. 6, д. 807, л. 15].

3 | Уроженец д. Простые Челны Чистопольского уезда Казанской губернии Мухамедназиб Таипов, получивший богословское образование в медресе д. Нижние Метески Казанского уезда.

Полное содержание муллы руководством предприятия имело место как правило, в тех случаях, когда хозяином являлся мусульманин [Загидуллин, 2006(1), с. 66–100].

Условия производства приводили к разительному отличию структуры поселковой этноконфессиональной общины от действующей модели традиционной сельской махалли. По большому счету, несколько рабочих-мусульман являли собой этноконфессиональную общину. Инокультурная среда сплачивала и консолидировала группу вчерашних крестьян, плохо знающих русский язык. Производственно-бытовой единицей в промышленных условиях выступала этноконфессиональная артель. Промышленники с пониманием относились к стремлению рабоих учреждать свои артели, становившиеся автономными хозяйственно-производственными единицами, сформированными по этноконфессиональному признаку. В договорах о найме, заключенных руководством и артелью, в случае существования в поселке молитвенного дома или проживания духовного лица, как и в случае с рабочими православного вероисповедания [*Положение рабочих…*, 1960, с. 204 и др.], регламентировались источник и механизм содержания культового здания и причта, а также могли быть уточнены некоторые стороны этносоциального уклада общины.

В условиях единого внутреннего распорядка на предприятии, религиозно-обрядовая жизнь рабочих-мусульман выступала как производное христианского церковного ритуала и традиции. Многое зависело от особенностей производства и жилищно-бытовых условий трудящихся. Поэтому в поселке понятия «мечеть» и «приход» сильно девальвировались. Приход объединял артели рабочих, уроженцев из разных регионов страны, на уровне поселка или нескольких ближайших поселений.

В плане финансовой поддержки в выгодном положении оказывались трудящиеся частных промышленных заведений, администрация которых безвозмездно выделяла земельный участок и помещение под молельню, а также брало на себя обязательство по частичному содержанию общественного или указного духовного лица. Это был судьбоносный вопрос для экономически слабых рабочих общин.

На рубеже XIX–XX вв. в значительной части промышленных предприятий действовали официальные или не зарегистрированные приходы, выступающие, как правило, единственными общественными организациями в инокультурной среде обитания. При увеличении численности занятых на производстве мусульман, в том числе постоянно работающих, процесс регистрации махаллей ускорялся.

Коренной деформации подверглась традиционная модель жизнеобеспечения приходского духовного лица. В рабочих поселках, как правило, причт состоял из одного духовного лица, которое и курировало религиозно-обрядовую жизнь мусульман-рабочих нескольких предприятий.

Однородность социального состава прихода, бедность рабочего люда[4], миграционная подвижность ее членов – преобладание в числе прихожан сезонных рабочих – и другие факторы сформировали принудительно-обязательную модель содержания в рабочих поселениях исламских институтов: путем сбора специального налога в пользу духовного лица, молельни и школы (последняя появлялась при расселении в местности известного числа семейных).

В силу отсутствия недвижимости, особенностей производственного графика работы, принадлежности земель предприятию и экономической зависимости рабочего люда от работодателя в налаживании религиозно-обрядовой жизни ключевой фигурой выступало руководство предприятия. Без согласования с ним и его ходатайства не решался вопрос ни об утверждении духовного лица, ни об обустройстве молитвенного дома или мечети, не говоря уже о его участии в обустройстве исламских институтов.

Известную роль в налаживании традиционного религиозно-бытового уклада в малочисленных общинах при индустриальных центрах сыграла деятельность Оренбургского магометанского духовного собрания, по мере возможности опекавшего приходы отходников временным духовным лицом.

Приметами мусульманских рабочих приходов стали: отсутствие недвижимой собственности большинства рабочих махаллей, экономическая слабость, низкий культурный уровень и миграционная мобильность рабочего люда, определенная интеграция в русскую рабочую среду, устройство молитвенного здания, как правило, не имевшего внешних атрибутов традиционой мечети (исключение – предприятия промышленников-мусульман), на земельном участке или в помещении предприятия, финансирование исламских институтов по обязательной и уравнительной системе. Порой руководство предприятий, содержащее за свой счет православный храм и причт, принимало на себя частичное финансирование нужд мусульманской общины, зарабатывая на этом политический капитал.

4 | Работая по 10–16 часов в сутки, рабочие получали нищенскую зарплату. Среднестатистическая годовая зарплата трудящихся на предприятиях Екатериновславской губернии, подчиненных надзору фабричной инспекции, составляла в 1901 г. 323,23 руб., в 1904 г. – 337,38 руб.

Сокращения

ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан .

Список литературы

Водарский Я.Е. *Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма.* М., 1972.
Загидуллин И.К. Махалля в промышленных и торговых поселениях России (XIX – начало XX в.) // *Татарские мусульманские приходы Российской империи: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Казань, 27–28 сентября 2005 г.* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006(1).
Загидуллин И.К. *Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь)*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006(2).
Каменноугольная промышленность Южной России в 1901 году. Харьков, 1902.
Крузе Э.Э. *Условия труда и быта рабочего класса России в 1900-1914 гг.* / Под ред. Т. М. Китаниной. Л. 1976.
Крупянская В.Ю. Опыт этнографического изучения уральских рабочих второй половины XIX века // *Советская этнография*. 1953. № 1.
Нафигов Р.И. *Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли.* Казань, 1964.
Очерки истории партийной организации Татарии. Изд.2-е. Казань, 1973.
Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). 3-е собр. Т. XVIII. № 14231. СПб.
Положение рабочих Урала во второй половине XIX – начале XX века. 1861–1904. Сборник документов. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 8. Д. 675. Л. 171–173; Д. 695. Л. 103–103об; Л. 108–108об.; Д. 700. Л. 116–118об.; Д. 683. Л. 113; Д. 695. Л. 108–108об.; Оп. 133. Д. 517. Л. 1–4, 25; Д. 555. Л. 61–63; Д. 582. Л. 7–13; Д. 590. Л. 1–5; Д. 611. Л. 6–7; Д. 631. Л. 1–9.
Тагиров И.Р., Валеев Р.К. Общественно-политическая жизнь в первой четверти XX века // *Материалы по истории татарского народа* / АН Татарстана. Отд. гуманитарных наук. Ин-т яз., лит. и ист. им. Г. Ибрагимова; Редкол.: Алишев С.Х., Закиев М.З., Ураманчеев Ф.И., Хасанов М.Х. Казань, 1995.
Татария в прошлом и настоящем. Сборник статей. Казань, 1975.
Тихонов Б.В. *Каменноугольная промышленность и черная металлургия России во второй половине XIX в.* М., 1988.
Устав строительный. – Изд. 1857 г. // *Свод законов Российской империи*. Т. XII. Ч. 1. СПб.
Уставы духовных дел иностранных исповеданий. – Изд. 1896 г. // *Свод законов Российской империи.* Т. XI. Ч. 1. СПб.
Хасанов Х.Х. *Формирование татарской буржуазной нации*. Казань, 1977.